

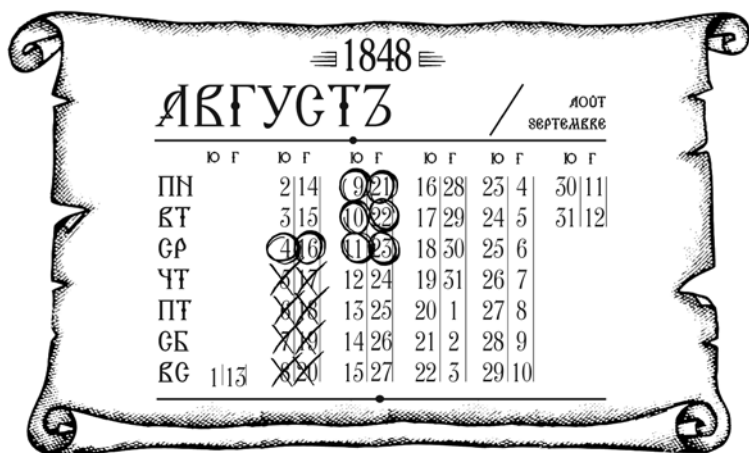
· РЕТРОРОМАН ·

ОЛЕГ КУДРИН

КАРБОНАРИ
С ИТАЛЬЯНСКОЙ
УЛИЦЫ

ОДЕССА-1848

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2022

ГЛАВА 1

День коронации, День города и другие праздники

4 августа в Одессу приехал князь Воронцов, чего мало кто ждал, ибо война с горцами — дело серьезное, и Михаил Семенович занимался им со всем возможным тщанием.

Но если следить за событиями внимательно, то это можно было предвидеть. В 1847 году после тяжелых боев русские заняли высокогорный аул Салты. Год спустя, в июле 1848-го, был взят вообще неприступный, по уверениям мюридов, Гергебиль¹. А с другой стороны, «Одесский вестник» бодро сообщал о собы-

¹ *Салты* и *Гергебиль* — горные аулы в аварской части Кавказа, укрепленные пункты сопротивления Кавказского имамата российской агрессии.

тии не менее важном: заканчивается отделка строившегося не один год Алупкинского дворца в усмиренном еще полвека назад Крыму. Посему после ратных трудов князь Воронцов, конечно же, имел право на отдых и прочие радости жизни.

При этом наслаждение арабско-готическим дворцом и французским парком Алупки Михаил Семенович решил оставить на десерт, занявшись рассмотрением дел разной важности, стекающихся в одесские канцелярии. Одновременно в тех же чиновничьих кабинетах и коридорах пошли досужие разговоры. Сказывали, что неудачный Даргинский поход произвел заметные изменения в сознании стареющего Воронцова. Он стал болезненней относиться к непризнанию или недостаточному признанию его заслуг, то ли действительному, то ли мнимому. И сам же корил себя за это. Будучи человеком ответственным, Воронцов воспринял недавнее наделение его княжеским титулом избыточным, точнее сказать — авансовым. А Михаил Семенович с его имуществом и талантами привык к тому, что ему должны, а не он кому-то (пусть даже, страшно сказать, монарху).

Трудно объяснить, откуда в канцеляриях могли знать или даже предполагать о материях столь тонких. Но, с другой стороны — почему нет? Византийская закрытость российского делопроизводства выработала в местном чиновничестве особую чувствительность в подобных вопросах.

А в 1848 году как раз исполнилось полвека служения Воронцова российской короне. Да-да, господа, в 1798 году, получив в 16 лет чин прапорщика, он стал камергером императорского двора. Теперь же ждал, что сие будет отмечено каким-то заметным действием августейшей особы. Однако Петербург хранил молчание по сему поводу.

Ознакомившись в очередной раз с экспресс-почтой из столицы и не найдя в ней поздравительной депеши, чиновники напоминали друг другу, что знак отличия «За XXX лет беспорочной службы» был получен Воронцовым, тогда еще графом, вообще с годичным опозданием — в начале августа 1829-го. Но говорить об этом с самим Михаилом Семеновичем, пусть даже околично, никто не решался. Было б легче, ежели б в Одессе была Елизавета Ксаверьевна. Обо всём можно было сказать ей, а уж она с женской мягкостью и супружеской легкостью довела бы, что нужно, до мужниного сознания. Да вот беда, княгиня с июня находилась в Алупке и помочь одесским канцеляриям генерал-губернатора не могла.

Воронцов же, судя по настойчивости, с какой он просил принести ему свежеполученные из Санкт-Петербурга бумаги, запомнил из того награждения только месяц (начало августа), а вот то, что случилось это на год позже положенного, — запомнил. И вот такое скверное расположение духа высокого начальства плохо влияло на отношения с подчиненными. Михаил Семенович стал строг и придирчив более обычного.

Становилось всё более очевидно, что надобно что-то придумать, некое действие, каковое могло бы развеять князя, отвлечь его от тяжелых, ревнивых мыслей. Понятно, что это должно быть торжество. Но такое, в котором бы никто не увидел чего-то слишком дерзкого, самовольного. Понятно, к примеру, что никак нельзя было устраивать местное одесское празднование тех же пятидесяти лет беспорочной службы. Ибо это было бы воспринято покушением на монаршую волю и право в раздаче подобных оценок и наград.

Нужно было придумать нечто совершенно иное.

* * *

И тут очень пригодился живой быстрый ум чиновника канцелярии, редактора Главного статистического комитета Аполлона Скальковского, по прозвищу Хитрый Лях. Он был усидчивым архивистом, историком, но что самое ценное — всегда умел подать известные ему материалы в нужном виде. Властям потребна дотошная статистика, вот вам она — точнейшая. Надобна подробная история, основанная строго на архивах, — вот вам детальное ее изложение. Необходимо нечто в высшей степени верно-подданническое — будет вам и такое. К примеру, из книги Скальковского об истории Одессы со всей очевидностью вытекало, что город развивался почти исключительно благодаря приездам в него августейших особ — «Великих князей» и «Великих Монархов, Им-

ператоров» как здравствующих, так и «Блаженных, вечно достойных памяти».

После откровенного разговора с другими чиновниками высокого уровня (то есть руководителями управлений и отделений) Скальковский принялся за изыскания и размышления. И вскоре пришел к начальственному синклиту с толковым докладом... Итак, граф Воронцов, новоназначенный генерал-губернатором, приехал в Одессу вечером 21 июля 1823 года. Не плотно поужинав овсянкой и парой яиц, сваренных вкрутую, а также некрепким чаем, он лег почивать, поскольку устал с долгой дороги. Так что парадное представление его сиятельству всех сословий, счастливых от факта его назначения и прибытия, состоялось лишь следующим днем, 22 июля, сразу после обедни в церкви. Следом прошел прием множества рапортов от мест присутственных и лиц подчиненных...

Уверенность, размеренность и строгая обоснованность доклада Хитрого Ляха производили на коллег Скальковского успокаивающее впечатление. Это вселяло уверенность, что они непременно что-то придумают, да не «что-то», а именно то, что нужно в сложившейся ситуации. Аполлон Александрович прочувствовал благорасположение аудитории и продолжил с еще большим рвением:

— Завершился же сей многотрудный день, положивший светлое начало многолетней деятельности его сиятельства на посту генерал-губернатора, спектак-

лем, даваемым в Одесском театре труппой итальянской антрепризы. И то была популярная опера Джоаккино Россини *La Cenerentola, ossia La bontà in trionfo*, то бишь «Золушка, или Торжество добродетели». В ролях: Анджелина, она же Золушка, — меццо-сопрано Фина Фальяцци; Рамиро, князь Салерно, — тенор...

— Нет-нет, — прервали Скальковского коллеги, показывая, что он всё же пересаливает с подробностями. — Премного благодарим, Аполлон Александрович, но давайте сие пропустим, поскольку мы прекрасно помним и Фальяцци, и прочих прим нашей Оперы... Ежели вы будете так любезны, перейдем сразу к дальнейшему времяпрепровождению его сиятельства.

Скальковский обиженно поджал тонкие губы. Как всякий уважающий себя историк, он терпеть не мог, когда некто, не будучи намного выше его по званию (а он сам, между прочим, статский советник!), пренебрегал архивными сведениями, добытыми им в трудах.

— Что ж, извольте слушать дальше — с предлагаемыми вами купюрами... Вечером 22 июля 1823 года Михаил Семенович тихонечко вошел в залу как раз в конце исполнения арии Золушки, одной из самых долгих и сложных меццо-сопрановых партий, какие только есть в итальянской опере. Его появление было встречено громкими криками «Ура!» и «Виват!», что привело в величайшее замешательство как самого генерал-губернатора, князя Рамиро... То есть, извини-

те, как самого генерал-губернатора князя Воронцова, так и оркестр, особенно духовую группу во главе с одним тромбонем, а также Золушку, то бишь девицу Фальяцци.

На сей раз собеседники не стали прерывать Скальковского, осознав, что обиженный историк чреват большей тратой времени, причем в степени прямо пропорциональной размеру его обиды. Аполлон Александрович оценил такую куртуазность и уж дальше перешел к самой сути вопроса:

— Этим летом 22 июля, как вы понимаете, прошло. Но как день недели — то было Святое воскресенье. Посему предлагаю в ближайшее удобное нам воскресенье радостно отметить 25-летие прибытия его сиятельства в Одессу и начала его трудов, направленных на небывалый расцвет всего Южного края обожаемого венценосного Отечества.

«Неплохо», «недурно», «отлично», — слышалось с разных сторон кабинета, где шло обсуждение. Но всё же не хватало чьего-то решающего слова и веского окончательного мнения. Почувствовав это, с речью выступил первый среди равных, начальствующий в двух сразу канцеляриях — по управлению как новороссийскими губерниями, так и Бессарабской областью, Дмитрий Вороновский, имевший также незлое прозвище Димша Воронцовский.

— Аполлон Александрович, оглашенная вами идея — хороша. Но она имеет существенный недостаток. Приезд Михаила Семеновича в ней как бы

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.	
Весна народов, которая длится круглый год	8
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Время разбрасывать камни и обниматься	21
Глава 1.	
День коронации, День города и другие праздники	23
Глава 2.	
Одесские склоны бывают опасней австрийских гор	41
Глава 3.	
Вместо безнравственного «Маскарада» — убийственный машкерат	57
Глава 4.	
Как узнать хоть что-то, когда неизвестно ничего	72
Глава 5.	
Загадочный Жиль Фуфэль обретает смутные очертания	87
Глава 6.	
Сколь много может рассказать простой русский унтер- цейхвартер	105
Глава 7.	
Чтобы достичь общих успехов, нужно понять свои ошибки	128
Глава 8.	
Генеральное консульство Австрии — двадцать лет спустя . . .	143
Глава 9.	
Важное имя на скрещении кондитерской и дипломатии . . .	157
Глава 10.	
О страстной любви к комедии дель-арте, или Маски сброшены	173
Глава 11.	
Очень важный успех и весьма неважный арест	190
Глава 12.	
Из Одессы до Шпильберга за 3 рубли 45 копеек	206
Глава 13.	
Где-то между одесской эзотерикой и картежной мистикой	224
Глава 14.	
Uncle Tanel в тесном кругу друзей и близких	240

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Время собирать камни и уклоняться от объятий	257
Глава 1.	
Что было до того, как нечто действительно случилось	259
Глава 2.	
Обнаружение «иностранного агента» и откровения от miss Uliana.	278
Глава 3.	
Знания непонятные, но надежные, как швейцарский банк.	294
Глава 4.	
Известия трагические, мистические и спорадические.	311
Глава 5.	
Легко слышать о чужих бедах, пока не узнаешь о своей	331
Глава 6.	
Хорошо быть домоседом, но прекрасно им не быть.	349
Глава 7.	
Как освобождаются невинные и из чего делаются имена.	366
Глава 8.	
Почти бессмысленно: поздний разговор и запоздалое озарение	381
Глава 9.	
Удар молнии — и мозаика, кажется, сложилась	398
Глава 10.	
Оправдание палача, осуждение казни и объяснение с любимой	412
Глава 11.	
Поддюжины порезов — один удар, или Бой до боя часов.	427
Глава 12.	
Смена декораций всё той же безумной ночи	442
Глава 13.	
Разговор о прошлом — по-настоящему.	459
Глава 14.	
О том, кто уехал, и тех, кто остался.	475
Эпилог.	
И не назвать такого мудреца, в котором не было бы глупости	492
Приложение.	
Сонет Поэта-Лауреата Уильяма Вордсворта и его одесские переводы.	503